Глава 6. Снова в свет (VII)

Юй Ёп Гюн считал этого человека чиновником.

Увидев это, глаза Юй Ёп Гюна расширились.

Он был из судебного отдела. Это было учреждение империи, которое управляло провинцией.

И когда речь шла о должности заместителя в этом учреждении, можно было сказать, что этот человек был вторым по рангу и непосредственно подчинялся главному отделу.

Он думал, что О Чжи Кан чиновник, но был потрясен, когда понял, что этот человек - высокопоставленный чиновник.

"Значит, не вы начальник?"

Он никак не мог спокойно разговаривать с этим человеком.

О Чжи Кан замахал руками.

"Я же сказал тебе говорить спокойно".

"Как я могу это сделать? Даже если мы и попытаемся, вы чиновник выше, чем Хакчжон!"

"Как можно ставить ученого, работавшего в лучшем учебном заведении империи, ниже чиновника, работающего в провинции?"

"Вы искажаете мои слова".

"Я уважал тебя с первой встречи. Я пришел к тебе, выдавая себя за лидера, только для того, чтобы завязать с тобой дружбу".

"Лидер..."

При этих словах Юй Ёп Гюн был тронут.

Теперь он мог понять, почему другие чиновники перестали приходить проверять их 5 лет назад.

Это случилось не потому, что они забыли о нем, а потому, что чиновник Судебного Отдела напрямую заезжал в место его ссылки.

О Чжи Кан улыбнулся.

Он тоже ждал этого дня.

Ю Хакчжон.

Его назначение в провинцию было случайным, и он лично проверял, как дела у ссыльного.

И когда он встретил этого человека, ему понравилось его личность.

Как, должно быть, трудно ему было воспитывать брошенного кем-то ребенка, тем более что для холостяка это была нелегкая задача.

Видя, что Юй Ёп Гюн находится в эмоциональном смятении, О Чжи Кан сказал:

"Сейчас, прежде всего, как и сказал префект Чжан, нам нужно двигаться. К этому времени новости, должно быть, уже распространились повсюду".

"А?"

При этих словах Юй Ёп Гюн широко раскрыл глаза.

Муму почувствовал себя лучше, увидев своего отца.

Именно отец с нетерпением ждал, когда закончится его изгнание.

Юй Ёп Гюн и Муму отправились в путь на пятый день, в сопровождении префекта Чжана и остальных.

Муму, впервые покинувший место ссылки, был взволнован.

Он всю жизнь смотрел на деревья и горы, но, увидев равнину, заволновался.

Юй Ёп Гюн был счастлив видеть, как его сын радуется.

Он всегда беспокоился о своем сыне, особенно после изгнания в горы.

По правде говоря, Муму даже не был сослан.

Выйдя на свободу впервые за 17 лет, Юй Ёп Гюн тоже был взволнован.

Он почувствовал облегчение от разочарования, слушая, как О Чжи Кан рассказывает о том, что изменилось в мире.

В тот же вечер офицеры разбили лагерь на ночь.

Муму посмотрел на отца и О Чжи Кана, которые сидели перед костром и болтали между собой.

'... отец больше не проводит со мной времени'.

Первые день-два все было хорошо.

Прошло 5 дней с тех пор, как его отец был с О Чжи Каном, и Муму стало скучно.

Все остальные люди были заняты обустройством лагеря.

"Муму, если тебе нечего делать, помоги им".

"Давай, иди и принеси дров. Ты же сильный".

"Ах."

"Ты не должен отвечать таким бескорыстным образом".

"Да-да".

"Ты... Хахаха!"

При звуке голоса Муму остальные засмеялись.

Они встречались с ним с самого детства. Для них Муму был как их маленький племянник.

Поэтому они могли догадаться, что чувствует Муму.

Один человек потрогал Муму за лоб и сказал.

"Малыш, если тебе скучно, я попрошутебе помочь этим ребятам. Почему у тебя такой мрачный вид?"

"Я знаю. Мой отец ведет себя не по-отечески по отношению ко мне".

"Этот ребенок..."

Люди были шокированы этим.

Казалось, что у отца и сына были невинные отношения.

Обычно мальчики в возрасте Муму, даже если он близок с отцом и уважает его, уже боятся его.

Однако Муму считал своего отца скорее другом, чем родителем.

'Потому что они были только вдвоем'.

Похоже, что окружение сыграло свою роль.

Муму, ворчавший это, пошевелилась, схватила горсть дров и перенес их.

Увидев это, люди были потрясены.

"Это все так же шокирует, как и всегда. Правда."

"Я не понимаю. Он же даже не учился боевым искусствам. Как он может быть таким сильным!"

Обычные мужчины не могли поднять столько.

Каждый раз, когда они видели его, это поражало их еще больше.

"Боевые искусства?"

"Мы тоже их не учим".

"Откуда простые офицеры вроде нас могут их знать?"

"Боевые искусства - это то, чему учатся только мурымцы, но я не знаю, насколько это правда" болтали офицеры.